

Осенняя Абхазия – 2025

В. Фёдорова

25 сентября

Блокпост представлял собой аккуратный белый домик. Мы с Гравийским как раз допивали любезно предложенный кофе, когда Полина положила трубку, и по виду её стало ясно, что в неизведанные доселе глубины Кодорского ущелья мы не попадем. Солнечный свет заливал все вокруг, дул свежий ветерок, и было ужасно жаль всего времени, что мы втроем потратили тут. Машина катила обратно, Полина с сосредоточенным видом проверяла запасной вариант маршрута, а мы на заднем сиденье пихали друг друга локтями в бок и глядели в окна, потому что день по сравнению с тоскливыми московскими все-таки был чертовски хорош.

Водитель высадил нас у моста через реку Амткел и уехал, а мы, недолго думая, уселись обедать. Вообще обедать стоит в любой неприятной ситуации, это очень хорошо поднимает боевой дух и в целом приятное занятие. Как следует подкрепившись и окончательно уяснив себе новый маршрут, мы отправились в путь.

Проигнорировав дорогу на озеро Амткел, двинулись вверх по серпантину на гору Пшоу. Там нас встретили грибы. Целые склоны больших и маленьких, гордо смотрящих в небо и прячущихся в листве, они словно ждали именно нас, и мы, не в силах устоять, наворачивали круги, взлетая вверх и кубарем скатываясь вниз, чтобы похвастаться очередной находкой.

Ближе к вечеру мы прошли мимо трубы с водой, а когда, пробравшись через разлившийся посреди дороги приток реки Джампал, отошли на обочину, чтобы ставить лагерь, уже стемнело. Мы резво разбежались в разные стороны в поисках дров. Вдруг посреди дороги в глубине леса я увидела пару равномерно приближающихся зеленых глаз. Я схватила палку потолще и встала в боевую позицию. Наверное, я выглядела очень глупо, приготовившись биться не на жизнь, а насмерть с обыкновенной собакой, но когда это выяснилось, чувство облегчения было слишком велико, чтобы думать о чем-нибудь другом.

Ужин был очень хорошим, разумеется, мы покروшили собранные грибы, и, наконец, усевшись, устроили с Гравийским очень серьезную дискуссию о гастрономических преимуществах грибных ножек перед шляпками.

Ночью, ворочаясь в спальнике, я вдруг нащупала около головы что-то мягкое, грязное и мокрое. Я подскочила, разразившись потоком междометий. Мокрое нечто, оказавшееся все той же собакой, дернулось куда-то в сторону, разбуженная Полина уставилась на меня, как на психа, и лишь Гравийский продолжил спать, как ни в чем не бывало.

26 сентября

Было мокро и очень, очень грязно. Первую половину дня мы, мезя грязь, лезли вверх. Когда, усевшись на очередном бревне среди грязевого болота, Полина вдруг признала, что я – самая чистая из всех троих, я так обалдела, что чуть не скатилась в самую жижу. Это был лучший комплимент из возможных в таком месте и в таких обстоятельствах. Где-то посреди подъема мы вылезли на маленькое белое пятнышко на карте, оказавшееся поляной, покрытой ежевикой смешанной с – а с чем еще? – с грязью.

Еще через некоторое время мы вышли на относительно плоскую полянку, тоже обозначенную на карте белым пятном, и тут же среди выпирающих из земли валунов обосновались обедать. Погода внезапно улучшилась, и на радостях я даже попыталась исполнить итальянскую песенку про партизан в горах, впрочем, быстро оставила эту затею.

После обеда мы продолжили наш подъем, маршрут лежал по отрогу хребта Тайма. Вдруг нам открылась альпика. Совершенно внезапно мы оказались окружены морем кустов с черникой. Они были большие и маленькие, зеленые и красные, очень много красного, и мы уплетали ягоды, а сзади, не суля совершенно ничего хорошего, наползало облако.

Наконец, мы перемахнули через вершину и там, в долине, перед нами раскинулось огромное озеро, заросшее по краям сфагнумом. Совсем рядом росли рододендроны, вдалеке паслись козы, а сверху серой массой довлело забитое тучами небо. Мы скинули рюкзаки, и, пока Полина с Гравийским исследовали озеро на предмет ботанической ценности, я радостно носилась вокруг. Выяснив, что ничего интересного в озере нет, а козы подобрались уже достаточно близко, мы снялись с места и пошли траверсом по хребту, минуя гору Лахта. Козы, которых нам пришлось обходить, смотрели флегматично, но не без подозрения, вообще в этих местах пасут много скота, поэтому тропа иногда терялась из виду. Идти надо с особой осторожностью, потому что только если пройти по тропе до конца, можно обнаружить хороший, качественный серпантин, ведущий вниз. Уже в сумерках, изрядно проблуждав и обследовав пару озер, мы действительно смогли его обнаружить. Ночь накрыла внезапно. Мы петляли, спускаясь по склону, казалось, вечность, освещая себе путь фонариками, а снизу из таинственной черноты высились стволы деревьев. До самого низа меня не покидало смутное ощущение, что мы спускаемся в ад, впрочем – этого не отнять – по очень качественной дороге. Наконец, стал слышен шум воды, и мы вылезли к верховью реки Джампал. Было даже не свежо, а холодно. Присмотрев среди камней и борщевика что-то, хотя бы отдаленно напоминающее место для ночевки, мы стремительно натянули тент и приступили к сбору дров. Стуча зубами, я прыгала по камням среди бурных потоков и от страха, жутко фальшивя, исполняла на все ущелье первое, что придет мне в голову.

Зато в эту ночь были звезды. Сотни светящихся точек на черном небе – самый лучший, самый красивый вид, ради которого действительно стоит влезть черт знает куда.

27 сентября

Утром мы прошли дальше по руслу, а затем круто взяли вверх по урочищу Партхала и вылезли на очередной серпантин. Он тоже был очень хорошего качества, под ногами шуршали листья, сквозь кроны деревьев пробивалось солнце. Мы шли и трюндели обо всем, что приходило в голову. Снова обнаружили грибы, хотя уже в меньшем количестве, и не придумали ничего лучше, чем сложить их в пакет и повесить Гравийскому на рюкзак.

Лес кончился, пошла альпика, и погода снова испортилась. Мы поднимались, обходя гору Куламба, очень некстати обсуждая тему альпинизма и несчастные случаи, связанные с ним. Что в совокупности с ледяным, косым дождем, красновато-зеленой альпикой и давящим серым небом вызывало нехорошее ощущение, что мы застряли в этих горах навсегда и будем вечность блуждать среди голых, мокрых склонов. Ощущение, впрочем, совершенно ложное, потому что стоило нам выбраться наверх, а заодно улучшить погоду, оно тут же испарилось.

Как раз к обеду мы подошли к группе маленьких белых балаганчиков, обозначенных на карте как летник. Пока Полина обосновывалась в домике, выполняющем функцию склада-кухни, я сунула нос в первые же кусты в поисках дров. Внизу обнаружилась яма с кучей мусора, я только потянулась к сухой ветке на противоположном ее конце, как вдруг нога заскользила и вместе с пластом земли я съехала вглубь ямы. Взгляд внезапно уперся в кусок коровьей шкуры с копытом, облепленным мухами. Стоит ли говорить, что через секунду я вылетела оттуда пулей.

Изнутри в балаганчике было очень интересно: разные баночки и кастрюли, каны и туалетная бумага, там было даже седло и пакетик печенек в форме рыбок. Белый едкий дым защекотал горло – Полина уже всю готовила.

Обед подходил к концу, я выглянула на улицу, чтобы проветрить глаза и легкие. По небу плыли облака и, несмотря на мелькавшее иногда солнце, с переменным успехом шел дождь. К сожалению, здесь нельзя было оставаться вечно, и, помыв посуду, мы отправились дальше.

Мы двигались по некоторому полукругу, так что вскоре я снова увидела этот балаган, но уже отделенный от нас простирившейся далеко внизу долиной. Мы, наконец, вышли на хребет Тайма. Он весь был изрезан речками, речушками, реками, поэтому путь состоял из бесконечной череды небольших спусков и подъемов.

Уже к вечеру мы вылезли на плато, пересекаемое ручьями. Это альпика-альпика, так что лучше как можно внимательнее следить за дорогой в этих местах, иначе рискуешь оказаться в расщелине с водопадом. Прямо на нашем пути пасся лошадиный табун. Братья решили как всегда с наскока: грозно вышли вперед все трое и начали орать страшными голосами, лошади было отступили, но тут из стада выделился один, большой и черный, и двинулся на нас. Вожак. "Отступаем" – скомандовала Полина, и мы медленно попятимся, чтобы потом, ругая на чем свет стоит глупых и упрямых животных, обходить их сверху по широкой дуге.

"Неизвестно, что будет дальше" – сказала Полина с таким видом, что я сразу поняла, ситуация – очередной трындец. – "Лучше встать здесь, пока еще светло". Я осмотрелась: очередной безымянный ручей, скрывающийся в ущельи, обросшем рододендронами, большой камень, через который можно натянуть тент, надвигающиеся сумерки и совершенное отсутствие дров. Оставшаяся часть дня проходила под знаменем бурной деятельности. Мы таскали камни из русла, чтобы закрепить тент, а затем, вооружившись фонариками, отправились пилить рододендроны. Чтобы разжечь костер, нужна масса дров и до самой темноты, проклиная барахлящий фонарик, я пилила куст за кустом.

Можно вскипятить воду на костре из живых растений. Я знаю, потому что мы сделали это в тот вечер, столпившись под тентом, надышавшись дымом, по локоть измазавшись в грязи, которой были облеплены рододендроны. Нервные и раздраженные, мы приготовили ужин. "Какая гадость" – подумала я, глядя в банку тушенки и пытаюсь вспомнить, нужно ли убирать верхний слой жира. Какая гадость.

Ночью я увидела огни. Бесчисленное множество желтых, мерцающих огоньков за голыми альпийскими склонами в той стороне где, как казалось, находился юг. "Должно быть это город, большой и красивый" – подумала я, и спрятала в спальник замерзший нос. Все равно я ничего не смогу сделать. Жалко будет, если завтра это окажется всего лишь сном.

28 сентября

Утром мы проснулись среди снега. Было холодно, верхушки хребта стояли белые. Ничего не оставалось кроме как, собрав лагерь и сделав памятную групповую фоточку, отправиться дальше. По дороге мы наткнулись на болото, заросшее странными трехлистными растениями. Оказалось, что это вахта и это очень хорошо, что мы ее встретили, потому что Полине она как раз нужна, поэтому мы с Гравийским отправились протаскивать местность в поисках хороших экземпляров.

Дальше тропа взяла вниз, и мы начали спускаться, периодически накрываемые облаками. Было не очень понятно, что нас ждет впереди и можно ли там будет пообедать, поэтому только увидев ручеек, где можно было набрать воды, Полина скомандовала обед. Погода была переменчивая и, поскольку обедать, поливаемыми дождем никому не хотелось, вопрос о необходимости тента, разумеется, не поднимался. То, как именно мы растянули тент над узенькой дорожкой на склоне, было гениально, мы успели залезть в каждый мало-мальски крепкий куст, к которому можно было приделать веревку, более того мы даже смогли потом уместиться под тентом вместе с костром и ничего не повалить. Настоящие *тентогуры* (гуру тента). Поэтому, конечно же, пошедший снова дождь ни в малой степени не помешал нам насладиться обедом.

Затем мы спустились к реке, облака остались на склоне, наконец, выглянуло солнышко и, перебравшись на другой берег, мы с любопытством осматривали следы недавней цивилизации: скелеты так и не построенных балаганов и горы полиэтилена. Начинались трудности, потому что хорошая тропа уходила на север на перевал Амткел, а нам надо было на юг, стало быть, без тропы. Сначала мы лезли вверх, цепляясь за стволы и теряя по пути собранные вчера грибы. Выбравшись из леса, мы оказались среди огромных валунов, простирающихся сколько видел глаз – до ближайшего перегиба точно. Зато сзади, озаренный солнцем возвышался огромный, заваленный снегом, пик Домбая. С минуту я не могла отвести глаз и еще несколько раз прерывала скакание галопом между валунами, чтобы посмотреть.

Вскоре Домбай скрылся за облаками, а у нас начался трындец. Тропы просто не было. Вооружившись всеми возможными компасами и GPS, мы перлись траверсом на юг-юго-запад по узким медвежьим дорожкам, пытаясь хотя бы не потерять высоту. Как такая огромная туша может оставлять такие маленькие тропки, если даже я с рюкзаком вынуждена была хвататься за любой попадающий под руку пучок травы лишь бы не съехать в долину на собственной жопе?! Местами склон пересекали ручьи, и тогда мы спускались, отчаянно цепляясь за стволы росших рядом деревьев и кустов, поднимались, а потом все начиналось сначала.

Казалось, что это не кончится никогда. И, наконец, по крутому склону, виляя между деревьев, мы спустились к какой-то неизвестной речке, причем не в ущелье, а на хорошую маленькую полянку, которую вполне можно было приспособить для ночлега. Мы расчистили борщевик, веревку для тента одним концом привязали к дереву, а другой закрепили за огромным валуном на противоположном берегу. Погода, наконец, позволяла развести хороший костер, на котором можно будет высушить вещи, поэтому я с воодушевлением бегала вокруг в поисках дров. На склоне я заметила отличное сухое дерево и, проскальзывая по земле, вскарабкалась к нему. Первым делом оборвала сучья, но хотелось заполучить весь ствол. Изо всех сил вцепившись в него, я уперлась в землю ногами. "А ведь хренью страдаю" – мелькнула мысль, а затем что-то хрустнуло и через секунду мы оба уже были внизу. Вся грязная, как черт, довольно пыхтя, я потащила свой трофей к лагерю. Как и ожидалось, и костер, и ужин были великолепны.

29 сентября

Утром мы перешли речку и двинулись дальше. Погода была хорошая, тропа сначала была очень заметна, хоть и приходилось то и дело уворачиваться от крапивы. Снова пошли огромные кусты черники, тропа выныривала то тут, то там.

В какой-то момент мы оказались в настоящих зарослях, каменный берег вертикально возвышался над очередной речкой. Мы тыкались между кустов, пытаюсь найти путь вниз. Я попробовала взять чуть выше в надежде найти хоть какой-нибудь способ пройти, как вдруг нога соскользнула с камня, и я всем весом приземлилась на коленку. Перед глазами взорвалась сверхновая, я рванулась вперед и через секунду уже стояла на маленькой куче камней, как король горы, и, осматриваясь, ела чернику. Чуть ниже в кустах копошились остальные, тропы я не видела. Ну что ж. Я выдохнула, потеряла коленку и снова нырнула в это зеленое море. И все-таки мы выбрались: взяли правее, ниже, кое-как спустились к руслу, нашли местечко, где подняться уже с другой стороны, куда Гравийский, решив не переобуваться из ботинок в сапоги, допрыгал, аки горный козел. Потом, все-таки найдя тропу, вышли на более пологое место, но тоже с рекой. Там и пообедали.

По левому берегу шла тропа, но мы вовсе не были уверены, что в верхней ее части мы не наткнемся на ущелье, справа склон покрывали ручьи, делавшие траверс невозможным. Спереди можно было спуститься к реке и пройти по руслу, а потом начинался склон. Мы уселись на травке, и Полина с Гравийским устроили совет. Как самый неопытный член коллектива, я глазела по сторонам и слушала. Вдруг Полина подумала и сказала: "В конце концов, если не получится, развернемся и пойдем обратно. Пять дней до базы, потом самолетом, ничего, на пары успеете". Я моргнула, представила самолет, вспомнила об обещании выйти первого числа на связь, подумала об участке, где пропала тропа, снова представила самолет. Светило солнце, обсуждение продолжалось, как ни в чем не бывало. В итоге все таки было решено пробираться по центру. Мы спустились, слева я увидела скачущих по практически отвесной скале баранов. Это туры, объяснили мне. Я подумала, что эти двое, наверняка, дурные, как пробки, раз так скачут, а все же молодцы, и очень хорошо, что я их заметила. Не знаю, что за мысли преследовали Гравийского, но стоило нам вылезти из русла на склон, мы сами припустили вперед, как эти туры. Отдышались уже у верха. Снова начинало капать, но самое страшное – как хотелось верить! – было позади. Мы дождались Полину и дальше пошли уже вместе, появилась тропа, она даже прошла ровно в тех местах, где Полина проставила точки в GPS, и мы бурно восхищались этим фактом, и вообще было очень даже хорошо. Сверху мы еще раз осмотрели подъем, теперь казавшийся совершенно несложным, даже дорога, которая обходила слева, оказалось, шла совершенно нормально. Впереди стояла маленькая каменная башенка, мы все положили на нее по своему камешку. Погода меж тем становилась все хуже. "Беснуйся" – подумала я злорадно – "Все равно ты нас уже не достанешь". Зря подумала.

Все еще в приподнятом настроении мы вышли к недостроенному балаганчику, вдали за речкой виднелась тропа. Я весьма удачно заметила неприкаянную веревку, которой очень хорошо можно было бы подвязать сапог к ремню, и пока, занималась вандализмом, не сразу заметила, какую бурную реакцию вызвал вид этой тропы у всех остальных. Полина была в восторге. Мы шли по ней по хребту, как по красной ковровой дорожке, и случайные фантики порождали в душе волну умиления.

Погода бесновалась. Видимость махнула на прощанье и скрылась, дождь барабанил косой стеной, промозглый ветер хлестал со всех сторон, забирался под давно вымокший плащ. Мы шли, вперив глаза в дорогу, надеясь, что когда-нибудь это закончится.

И тут вдали я увидела нечто огромное и черное, расположившееся прямо на дороге. Это что? Медведь? Ну, класс. Медведь. Твою мать! Медведь! Кое-как лепеча что-то невнятное, я, наконец, смогла донести до остальных, что именно я вижу, и мы начали орать на него, как сумасшедшие. Огромная туша завозилась и встала на задние лапы, резко увеличившись в два раза. Бестолковая флегматичная морда уставилась прямо на нас, а потом тварь резко рванулась в сторону склона, слетела с тропы и кубарем ломанулась вниз через кусты. Все стихло. Я тупо смотрела в том направлении, пытаюсь сообразить, может ли он вернуться. Когда я, наконец, осмелилась задать этот вопрос, меня засмеяли. Ну, тоже хорошая новость.

Эта встреча подействовала бодряще. Было все так же мокро и холодно, но вскоре мы, наконец, начали спускаться в лес. Пошли буки и пихты, стремительно темнело. Мы наткнулись на широкий, плоский участок, своеобразную полянку с костровым местом и кучей полиэтилена. Несмотря на то, что источника воды нигде не было, Полина приняла решение встать здесь. Решение, всю прелесть которого я в полной мере осознала, когда в темноте среди шума дождя в лесу, кажется, совсем недалеко от нас, раздался ужасающий грохот. Дерево упало – предположил кто-то, по спине пробежал холодок. Впрочем, один источник воды все-таки был: натянув тент, мы поставили миски в места, где с него больше всего капала вода – в кои-то веки дождь оказался полезен.

30 сентября. День шестой

Покончив с утренней рутинной, мы двинулись дальше вниз по тропе. Недалеко отойдя от лагеря мы выяснили, что же послужило причиной вчерашнего грохота. Это было черное, еще тлеющее дерево, сбитое ударом молнии. Я еще раз мысленно отдала должное вчерашнему решению остановиться.

Мы вышли на открытое место, тропа уводила влево, мимо осыпающегося склона, к большой заваленной мусором стоянке. Это были несколько полян, каждая из которых заканчивалась либо зарослями, либо обрывом. Тупик. В замешательстве мы бродили в окрестностях. Судя по карте, тропа должна быть вот тут перед носом, да и не могли же местные телепортироваться сюда по воздуху. Я опасно поглядела вниз и вдруг заметила небольшую полоску тянущуюся вдоль склона: узкая и осыпающаяся, но тропа! Невероятно довольные, мы кое-как слезли на нее и осторожно спустились к реке. Там тоже пришлось поискать, но, наконец, мы оказались на другом берегу. Там шла та самая тропа, которую Полина обозначила на карте широкой черной маркерной линией и по которой нам предстояло спускаться с гор в окрестности цивилизации. Мы шли по ней, вилляя как маркитантская лодка: сначала идешь вдоль склона и все вроде бы комфортно, потом влезаешь вглубь горы, где течет какой-нибудь маленький ручеек, много камешков и грязи. Один неверный шаг – и домой тебя повезут уже по кусочкам. Хотя по сравнению с тем, чем пришлось бы заниматься, не будь этой тропы... в общем, грех жаловаться.

В какой-то момент мы спустились к небольшой площадке, образованной уступом скалы. Под нами бушевал Схапач, над нами был натянут железный трос, а на другой стороне, где виднелось продолжение тропы, висела маленькая вагонетка. Веревка, за которую эту вагонетку надо было подтянуть к нашей стороне, болталась оборванная. Кажется, такие ситуации в фильмах называют приключениями. Решали проблему тоже весьма в приключенческом стиле: достали веревку, подняли с земли небольшой камень,

перевязали. Каким-то чудом Гравийский все-таки смог перекинуть его через бортик вагонетки, и мы подтащили ее на нашу сторону. Система понятна – тянешь за одну веревку, вагонетка едет к тому берегу, тянешь за другую, она едет к нам, хорошо еще что дождя нет. Человек с рюкзаком не смог бы поместиться на маленькой платформе, оставалось отправить кого-то вперед принимать рюкзаки, а остальных людей переправить потом. Я влезла, схватилась руками за мокрый ржавый трос, страшно не было – сказывалось отсутствие опыта. Гравийский тянул сзади, я цеплялась, где-то до середины вагонетка ехала легко, потом стало тяжелее, последний рывок, и я уцепилась за деревянную перекладину, подтянулась, выскочила на берег. Затем мне по очереди переправили наши рюкзаки. Аккуратно двигаясь по крутому склону, я цеплялась за сложную систему из бревен и железных креплений, подтаскивала вагонетку и, кое-как вывалив, тащила рюкзаки к ровному участку дороги. Наконец, в вагонетку сели Гравийский с Полиной. Вдвоем! Не знаю, откуда в Гравийском взялось столько силы: вагонетка медленно, но уверенно приближалась ко мне, лишь совсем рядом, где самый сильный подъем, они замедлились, я перегнулась через одно из бревен и ухватилась за край вагонетки, подтянув их к себе. Получилось! Совершенно обалдевшие, не отходя далеко, мы пообедали бутербродами.

Дальше мы шли по тропе, уже вдоль реки Келасури. Все было хорошо, как вдруг дорогу преградил водопад – из-за постоянных дождей в последнее время вода спускалась с гор на огромной скорости под большим напором. Слева водопад, справа обрыв. Шаг в сторону и тебя опять же по кусочкам вылавливают из Черного моря. Мы снова достали Полинину веревку, уже не раз выручавшую нас в эти дни, Гравийский перебрался на другую сторону, привязал один конец, вернулся. Я нацепила капюшон, схватилась за нее и медленно пошла. На середине пути я вдруг поняла, что не знаю, куда ставить ногу, перед глазами мелькнул обрыв, руки сжались на веревке, и я шагнула вглубь водопада. На другую сторону я вылезла полностью мокрой. Мысленно чертыхнулась и принялась выжимать все, что только можно. Дальше шла, периодически выливая ручейки из сапог. Хотелось верить, что на этом купании сюрпризы тропы закончились, но как оказалось, Бог любит троицу.

Это был приток Келасури. Огромный, грязный, бурлящий. Несколько секунд мы смотрели на него в немом раздражении, затем скинули рюкзаки, и Полина скомандовала: делаем мост. Тут же развернулась бурная деятельность: Гравийский пилил молодые деревья, я мешалась под ногами, чтобы не замерзнуть, и опиливала ветки, Полина руководила. Поглощенные работой, мы не заметили, как совершенно неизвестно откуда на нас кто-то вылез. Это был мужчина в походной одежде, но, не считая маленького рюкзака и двух палок, оборудования у него с собой не было. Он посмотрел на нас своими светлыми глазами и поздоровался – это был монах. Само появление человека впервые за эти дни и именно с той стороны, куда мы с таким трудом пытались попасть уже полчаса, казалось чудом. Он объяснил – отвел нас в кусты, где уже на изрядном возвышении над рекой мы увидели бревно. Поросшее мхом и очень скользкое на вид бревно. Разумеется, можно было бы отправить кого-то ловкого повязать веревку, перейти, потом за ней вернуться, и если никто не навернется ни на пути туда, ни на пути обратно, не уронит рюкзак, не подвернет ногу... мы посмотрели недолго и вернулись к работе.

То, что мы делали, идейно было не очень сложно: надо было спилить достаточно стволов, перевалить их поперек течения, а потом раздеться до сапог и, разумеется, таща на себе все пожитки, переправиться на другую сторону, надеясь, что деревья не дадут течению снести тебя. Когда это делали остальные, казалось не так сложно. А потом я сама оказалась по пояс в ледяной воде, сапоги вдруг стали необычайно тяжелыми, поток

– ледяным и быстрым. Полина протянула мне руку и я, дрожа от холода, вылезла на берег. Вот вам и приключения.

Мы миновали балаганчик, где расположился еще один человек, видимо, коллега монаха, встретившегося ранее, один из тех, кто разносит еду по балаганам и местам, где живут монахи. Мы хотели даже выпить у него чаю, но время поджимало, пришлось отправиться дальше. По пути мы встретили еще двух монахов с великолепными белыми бородами и голубыми глазами. Полина даже с ними сфотографировалась. Дальше шли без происшествий, постепенно темнело, дорога отошла от реки, расширилась. Мы сделали небольшой привал, наелись сгущенкой, запили ее остатками воды и, поскольку на поезд сесть надо было уже завтра, а мы все еще находились в большом нигде, приняли стратегическое решение идти ночью.

Лес справа был черный, пугающий, я с интересом озиралась по сторонам. Мы, наконец, вышли под открытое небо, слева светлели огромные пласты известняка, справа чернели кусты. Я рассказывала сказки, те немногие, которые знала, мы болтали и даже спели. Может быть, стоило относиться ко всей ситуации серьезнее, но мне было весело. Мы миновали Чертов мост, внизу бурлило что-то очень темное и жуткое, потом еще один мост. Наткнулись на развилку, одна из дорог вела к озеру Амткел, мы пошли южнее. В какой-то момент мы все-таки остановились поужинать, натянули тент, разожгли костер. После теплой еды глаза начали слипаться, но мы все равно шли еще некоторое время, между серых туч мелькало звездное небо и очень хотелось, чтобы наконец стало ясно и можно было увидеть его полностью. Наконец мы встали в каком-то очень мокром закутке, натянули тент и завалились спать.

1 октября

Проснуться снова под звуки дождя было обидно. Я влезла в мокрые джинсы, натянула мокрые носки, запахнула в мокрый рюкзак вещи и, методично перебирая все известные мне эпитеты и междометия, мысленно высказывала климату все, что о нем думаю. Дождь, впрочем, удивительно скоро закончился, а еще мы нашли пару упавших деревьев с недоспелым инжиром, весьма неплохим. Когда мы добрались до Цабала, уже вовсю светило солнце, Гравийский попытался расспросить местных про наличие автобуса. Показания были слегка противоречивы: то он здесь вообще не ходит, то, наоборот, уехал только что, но все сводилось к тому, что надеяться на него не стоит. Значит, будем стопить. Мы вышли на Военно-Сухумскую дорогу, и я, наконец, переобулась в ботинки, господи, как же сильно я успела по ним соскучиться за эти дни! Мы сели на перекрестке и стали ждать. Полина читала вслух, мы с Гравийским ели конфеты. Наконец, показалась машина, все напряглись, Полина вытянула руку и, о чудо, они действительно остановились! За рулем сидел очаровательный дедушка, рядом с ним на переднем пассажирском еще один. Мы запахнули рюкзаки в багажник и втроем уселись на заднем сиденье. Это было действительно вовремя. Дальше все прошло очень ловко: несколько пересадок, граница, такси до Адлера. Все это время я старательно уничтожала конфеты, хотелось доесть хотя бы красные. На вокзал мы прибыли с изрядным запасом, Полина с Гравийским даже успели сходить за продуктами. Когда мы, наконец, сели в поезд, я выдохнула спокойно. Уже завтра придется разбираться с кучей всего, но сегодня еще можно позволить себе расслабиться. Все-таки хорошо.